ПРОЛОГ. ИСТОРИЯ И ТЕРРИТОРИЯ **9**

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. «...БОРОДАМИ И МОРЯМИ...»
Казаки против казаков

Великая степь **13**
Улус Пугачёва **16**
Летописец бурана **18**
Сарацины для русских **22**
«Орлы брадатые» **25**
Хива: казачий Армагеддон **27**
«Бедные родственники» **30**
«Меньшие братья» **34**
Первый гром **36**
«Набеглый царь» **39**
Берег утопии **42**
Крестный дозор **44**
Воцарение в Илецке **47**
Маленькие трагедии «транжементов» **50**
Татищева крепость **53**
Капитанская дочка **57**
Оренбуржье: казачья Россия **60**
Манифест «Разбойничьей партии» **62**
Осень в Оренбурге **64**
Из грязи в князи **67**
Из князи в грязи **70**
Бёрды: казачья Москва **72**
Невольники чести **76**
Оборона Челябинска **79**
Подполковник-грубиян **81**
Атаманская дочка **85**
Осада Оренбурга **88**
Оренбургский Фауст **90**
«Узкая дверка» **94**
Разгром **96**

Сила слова ... **99**
Вся королевская рать ... **102**
Емельян и Мартемьян ... **105**

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. «...ВСЯКИМИ ВОЛЬНОСТЯМИ...»
Крестьяне против рабочих

Арабской вязью ... **109**
Уральские атланты ... **111**
«Злодейское литьё» ... **114**
Иго работы ... **116**
Две машины ... **119**
Казнокрад ... **122**
Горнозаводская держава ... **125**
Сын Никиты, внук Никиты ... **128**
Насильно мил ... **131**
Компанейщики ... **133**
Копи царя-самозванца ... **137**
Медный бунт ... **140**
Горнозаводский рейдер ... **143**
На Щелкунской дороге ... **146**
Меж двух цариц ... **149**
Дубинщина ... **152**
Стены обители ... **155**
Вера в сказки ... **159**
Страшнее Пугачёва ... **162**
Новое небо и новая земля ... **165**
«Самый бедный человек» ... **168**
Тропы каторжан ... **171**
«Вечное зрение» ... **173**
Воистину воскрес ... **175**
Живущие неубого ... **178**
Гроза в начале мая ... **181**

Отставной канонир ... **183**
Польза «крапивного семени» ... **186**
Сержантская дочка ... **188**
Вотчины зверя ... **191**
«Под тоё крепость грудью шли» ... **194**
Деташемент ... **198**
Навеки здесь ... **201**
Касатка с завода Сатка ... **204**
Златоуст ... **206**
Битвы на Луне ... **209**
Поворот ... **211**
Асессор и агрессор ... **214**
Заводы Камы ... **217**
Прощальный пожар ... **219**
Неоплошные ... **223**

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. «...ПОДОБНЫ СТЕПНЫМ ЗВЕРЯМ...»
Башкиры против государства

Люди-волки ... **227**
Четыре даруги ... **230**
Мерген и Садиир ... **233**
Два мавзолея ... **236**
Южная война ... **239**
Табынская Богоматерь ... **242**
Черемшанская линия ... **245**
Исетская линия ... **249**
Сеянтус: башкирская Хатынь ... **252**
«Бичура» ... **255**
Напрасная пристань ... **257**
Война всё спишет ... **260**
Самовар для Страшного суда ... **263**
Изверги ... **266**

Восток — дело тонкое ... 270
Хан ниоткуда ... 273
«Путь будет!» ... 277
Перо и полумесяц ... 280
Кинзя ... 283
Оборона Уфы ... 287
Нагайбак: башкирский Вавилон ... 289
Под конём ... 293
Человек-клич ... 295
Честь майора ... 298
«Храбрым предкам» ... 302
Опыт поражений ... 306
За неправду и Сеянтус ... 309
«Избранный» ... 312
«Город мал и зол» ... 315
Осада Осы ... 318
Уфа по плечу ... 321
«Находиться в безпокойстве» ... 324
Коктемир — невидимый Пугачёв ... 327
Чужое далёкое море ... 331
После бури ... 334

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ. «...ЛОВИТЬ, КАЗНИТЬ И ВЕШАТЬ...»
Каждый за себя

Великий жулик ... 338
Булгария ... 340
Башня Сююмбике ... 344
Волга — нерусская река ... 347
«Заступленье божье» ... 351
Трижды мятежный ... 353
Месть и корысть ... 356
Пожар Казани ... 359

Юность Петра Фёдорыча ... 362
«Игнат-казаки» ... 365
Россия параллельная ... 368
Царя играют самозванцы ... 371
Волга — Яик — Кубань ... 373
Мертвец Общего Сырта ... 376
Подлец страшнее полчищ ... 378
На Арском поле ... 381
Пугачёвское Лукоморье ... 384
Герой-разбойник ... 387
Пугачёвщина без Пугачёва ... 391
Храм и кереметь ... 395
Пугачёвская Палатка ... 399
Карсунская линия ... 402
Коронованные ... 405
Юрьев день для Емельяна ... 408
«Народ не воин» ... 411
Самарская линия ... 414
Степан и Емельян ... 416
Побоище и пепелище ... 419
Один за всех ... 422
Монголы без ига ... 426
Казаки-разбойники ... 429
Не тот Федот ... 431
Времена великих вольниц ... 434
«Саксоны» ... 437
Последний бой ... 440
Осенью на Узене ... 443
Дознание ... 446
Смерть степного зверя ... 449

ЭПИЛОГ. ДЕВОЧКА ИЗ ТАТИЩЕВО ... 452

Пролог
ИСТОРИЯ И ТЕРРИТОРИЯ

На излёте блистательного XVIII века чудовищный народный бунт, возглавленный казаком Емельяном Пугачёвым, словно бы поднял Россию на вилы, но до сих пор никто не знает, что же такое пугачёвщина.

В городе Оса, в старом парке на берегу реки Камы стоит странный памятник великому мятежу: каменный обелиск с часами, у которых одна стрелка указывает XX век, а другая — XVIII. Что означает этот символ? Непонятно. И с пугачёвщиной до сих пор слишком много непонятного. Вернее, России многое непонятно с самой собою, а потому уже — и с пугачёвщиной.

Вроде бы события бунта известны, версий о причинах — множество, но в том-то и беда: ни одно толкование не объясняет всего. Какие-то важные особенности этого восстания обязательно противоречат стройной концепции историка.

В XVIII веке российская власть расценила пугачёвщину как «воровство», то есть криминал. Дело это было признано позорным, а потому — предано забвению.

С подачи Пушкина к бунту отнеслись внимательнее. Стало ясно, что народ схватился за вилы не из корысти. XIX век счёл пугачёвщину войной черни против знати.

XX век пересмотрел такой вывод, хотя и упростил ситуацию в угоду вульгарному марксизму. Для советских историков пугачёвщина стала крестьянской войной, то есть борьбой эксплуатируемых с эксплуататорами. Победил классовый подход.

Но так и не появилось уверенности, что исследователи добрались до сути. Пугачёвщина лишена романтики, тут не бросают красавицу «в набежавшую волну». Но в пугачёвщине есть особая, страшная ирреальность. Ощущения от неё Пушкин передал образом дьявольского бурана. Что это за «внутреннее пространство» пугачёвщины, непонимание которого так будоражит до сих пор?

Памятник пугачёвщине
в городе Оса

XXI век потащил в интернет-форумы скороспелые доктрины, в которых глобализм причудливо сливается с конспирологией. Дескать, пугачёвщина — одна из фаз вечной борьбы Леса и Степи, Европы и Азии, колоний и метрополии... Ну, да. И что из этого? Можно свести пугачёвщину к любому историческому тренду, но не находится тренд, из которого обязательно выводилась бы пугачёвщина.

Где искать прошедшее время? Только там, где оно прошло.

Ещё не опробованный ключ к амбарному замку пугачёвщины — пространство. Что поймёшь, если пройдёшь по всем дорогам бунта? Если совместишь историю и территорию?

Окажется, что для XXI века пугачёвщина — борьба за идентичность.

Пугачёв придумал объявить себя царём. С этой идеей он двинулся по России. А Россия — комплекс разных идентичностей, как Европа — комплекс разных стран. И каждая российская идентичность на идею самозванца отреагировала по-своему.

Что такое идентичность? Это не язык, не конфессия, не государственность, не география, даже не культура. Идентичность — это система ценностей.

Огромную Россию можно разделить на примерно однородные зоны. На регионы. И для каждого найдётся свой способ наиболее эффективного освоения. Этот способ будет вырабатывать моральные нормы для того социума, который и практикует данный способ освоения региона.

Например, степь. В России степи — жаркое и плодородное поречье на южной границе. Наиболее эффективно осваивать эти территории могли хуторские и станичные хозяйства. Такой способ освоения сформировал социумы — казачьи войска. И у них казачья идентичность: тип жизнеустройства, характерный только для казаков.

Или другой пример: Урал. Горы, леса, реки, месторождения руд. Наиболее эффективно осваивать эту территорию могли горные заводы и рудники. Такой способ освоения сформировал социум — «горнозаводскую державу». И в ней воцарилась рабочая идентичность: набор поведенческих стратегий, характерных для рабочих.

И так далее.

Империя подавляла эти идентичности, а пугачёвщина их активировала.

В казачьем мире Яика пугачёвщина стала корпоративной войной: яицкие казаки не хотели жить так, как оренбургские, потому и забунтовали. И Пугачёв в первом же манифесте обозначил, что́ «яицким казакам надобно»: реки и моря, крест и бороду. Оренбургские казаки в том не нуждались.

В рабочем мире Урала пугачёвщина стала гражданской войной: крестьяне не хотели работать для заводов и пошли их жечь, а рабочие поднялись на защиту своих предприятий.

Стравливая рабочих и крестьян, самозванец соблазнял пахарей «всякими вольностями» от заводской работы.

В Башкирии пугачёвщина стала национально-освободительной войной: башкиры требовали от русской власти соблюдения их родовых интересов. Пугачёв призывал башкир к тому, к чему они и сами стремились два века, — вернуть себе древнюю традицию полукочевья: «бутте подобны степным зверям!».

В крестьянском мире Поволжья пугачёвщина стала криминальной войной: крестьяне грабили своих хозяев и мстили за притеснения. И злодей Емельян самым страшным своим манифестом направил мятежников «ловить, казнить и вешать» дворян — владельцев земных богатств.

Так что тайное «внутреннее пространство» пугачёвщины — это сама Россия, не осознанная собственными гражданами. А «наложить историю на территорию» — значит, «увидеть русский бунт».

Часть первая

«...БОРОДАМИ И МОРЯМИ...»
Казаки против казаков

Великая степь

В своём космическом вращении планета Земля словно шарк-нула по эклиптике выпуклым боком — и протёрла на нём полосу Великих Степей Евразии. Ковыльные пространства соединили Карпаты и Алтай. Здесь горячие ветра гонят по со-лончакам клубки перекати-поля, а вдоль караванных дорог, словно остовы кораблей, лежат скелеты лошадей и верблю-дов. Здесь весной долины полыхают алым опиумным маком, а летом реки делятся на белые и чёрные — которые в жару пересыхают до белой сухой корки или только до чёрной жир-ной грязи.

Историю Степи творили суровые кочевые народы. Две с лишним тысячи лет назад владыками равнин были сарматы. Они завоевали Евразию медными мечами. Их смуглые жен-щины сражались наравне с мужчинами и носили чешуйчатые костяные доспехи, наструганные из конских копыт, а черно-косые дочери не выходили замуж, пока не убьют первого врага. От сарматов в степи остались «усатые курганы» — рукотвор-ные холмы с длинными каменными насыпями.

Потом тревожные глубины Востока извергли неисчислимые орды гуннов. Их вожди после смерти уезжали в курганы на ко-лесницах, а жрецы пасли в небесах стада облачных баранов. От-битые Китаем, гунны перекатились через вселенную, по пути истребили сарматов и уже на излёте разрушили Рим. Похоже, сарматы были арийцами, а гунны — тюрками. Но в Великой Степи жили они одинаково. Великая Степь всегда переделывает всех под себя. Это закон.

Степная каменная баба из музея Челябинска

На восемь веков брюхо Евразии стянул тюркский пояс, причудливо расшитый узорами многих государств. Под прикрытием Кавказа от Каспия до Азова в камышах приморских низменностей стояли твердыни Хазарского каганата, выстроенные из сырцового кирпича. На высоких ярах вдоль Волги шумели каменные города богатой Волжской Булгарии. Опушку непроходимой сибирской тайги и степи Иртыша стерегли бревенчатые крепости Ишимского царства.

А потом по бескрайним просторам тюрков, наводя ужас, пошли монгольские тумены Чингисхана. Их кибитки прокатились от Каракорума до Киева. Земли от Тобола до Терека стали улусом хана Джучи, сына Чингиза. При внуках Чингиза улус Джучи отложился от империи монголов и превратился в Золотую Орду. Орда поглотила почти всю Древнюю Русь и даже не насытилась.

Но и Орда тоже оказалась не вечна. По её золоту ударил железный Тимур. Монгольский улус раскололся на татарские ханства, как льдина на куски. Линии разломов прошли по Великой Степи примерно там, где прежде были границы исчезнувших тюркских держав. Казанское ханство легло поверх Волжской Булгарии. Астраханское ханство покрыло земли Хазарского каганата. Сибирское ханство утвердилось на царстве ишимских татар. А кочевой Ногайской орде досталось Дикое Поле печенегов и половцев.

Степь — это образ жизни и тип личности.
Это особое понимание пути во вселенной: вечное кочевье
по всегда неизменному, всегда одному и тому же кругу бытия.
Это странное сочетание несочетаемого — ограниченности
и бесконечности

На татарские государства Волги зарился ханский Крым, а его подзуживала Турция. Крымские ханы Гиреи потихоньку прибирали к рукам Астрахань и Казань. Но Иван Грозный беспощадно отрубил Бахчисараю руки и забрал Казань и Астрахань для Руси. А русские казаки разгромили татарские города на Иртыше и Яике.

От тридцативековой истории Великой Степи, как от пересохшего моря, остались только рифы могильных курганов. Их

здесь называют «марами»: Высокий Мар, Двуглавый Мар, Семиглавый Мар...

Однажды некий яицкий казак, распарившись в жаркий полдень, присел на склон мара отдохнуть и перекусить. Над рыжими сыртами стоял зной, стрекотали кузнечики. Рассёдланный конь шумно рвал жухлую траву. Рядом с казаком из норки вылез суслик. Добродушный казак отломил кусочек хлеба и бросил соседушке. Суслик схватил угощение и утащил к себе. Казак грыз горбушку, оглядывал горизонты. И тут суслик опять вылез из норки и вынес казаку древнюю монетку: заплатил за добро из своих сбережений. В тёмных недрах мара скрывалась сарматская сокровищница, до которой дотянулись ходы хозяйственного суслика.

Клады кажутся единственным, что Великая Степь сохранила от своего прошлого. Но пугачёвский бунт показал, что это не так. Золото курганов — не главное наследие Улуса Джучи и Золотой Орды. В мареве над марами дрожал призрак степного государства — но невидимый, как электронная программа.

Курган Дедуровский мар

Улус Пугачёва

Карл Маркс считал, что Пугачёв строил «христианскую казачью республику». В Германии это похоже на правду, а в Оренбуржье, на Урале и на Волге — нет.

«Христианская»? Башкиры и татары составляли половину бунтовщиков, но были мусульманами. Калмыки — буддисты. Черемисы и чуваши — язычники.

«Казачья»? Пугачёв лишь один раз провёл настоящий казачий круг, который его же и не поддержал. Станичные избы, которые вводил Пугачёв, суть обычное самоуправление общины, что у казаков, что у крестьян, — только название казачье.

«Республика»? Пугачёв правил единолично, как ордынский хан.

Хан Пугачёв казнил дворян от Терека до Тобола, даровал свободу веры, отменял прежние законы и иерархии. Он кажется реинкарнацией Джучи, великого чингизида. Улус Джучи простирался от Тобола до Терека, и здесь тоже царила свобода веры, прежние порядки были порушены, а власть принадлежала конной военной элите — монголам. Не отдавая себе в том отчёта, мятежные казаки Яика возрождали новый улус Джучи — улус Пугачёва. Конечно, казаки не знали истории, просто Великая Степь могла породить лишь один тип государства: как у сарматов, гуннов или ордынцев. Улус Джучи.

Пугачёвщина — дичайшая архаика для России, то есть для державы, которая выходила в мировые лидеры. Главной валютой тогда было не золото, а железо. Уральские заводы завалили им Европу. Русская армия одолела всех противников от Стокгольма до Стамбула. Русские вельможи блистали во дворцах Парижа, Вены и Рима. Екатерина стала Великой, потому что Великим был Пётр, и теперь она дружески переписывалась с Вольтером, лучшим интеллектом эпохи. Откуда же тогда взялся монгольский откат пугачёвщины?

Откат — это когда есть импульс движения, а путь вперёд закрыт. Точнее, пути вперёд тогда просто не было, потому что некому было его указать. Путь вперёд указывает элита, которая формулирует смыслы и цели общества. Элиту порождают

не богатства и власть, а знания и способности. Пётр I провозгласил элитой России дворянство. Но после смерти Петра дворянство решило, что его дело — дворцовые перевороты.

Заводы Урала, модернизированные Петром, изготовили столько пушек, что все опасные враги России стали не опасны. А нации рождаются в борьбе. Если нет внешнего врага, пришлось найти внутреннего. И нация объявила своим врагом свою элиту — дворянство, которое не исполнило своей исторической задачи.

Пугачёв решил заменить дворян на казаков. Всех мятежников он верстал в казаки. Казачество он объявил идеалом России. Элитой. Монголами. Конечно, в XVIII веке улус был государством нежизнеспособным. Но ведь нужно иметь какой-то образ новой державы, когда ломаешь старую.

Бунт Пугачёва был борьбой за новую элиту, а не за свободу. Казаки были свободными. Свободными были башкиры и калмыки. И поначалу Пугачёв не думал о свободе для нации. Он давал свободу лишь тем крестьянам, которые вступали в его

Усыпальница Джучи в степях под Карагандой

войско и становились казаками. Когда припекло, тогда Пугачёв и объявил свободными всех крестьян поголовно. Отмена неволи была не целью бунта, а средством борьбы мятежников со старой элитой — с дворянами.

Созревание элиты в России запоздало, потому что для дворянства не было стимула исполнять свою миссию. Дворянству и без миссии было комфортно: страна лидировала на мировых рынках, деньги текли рекой. Несовпадение целей элиты и нации — извечная драма России. В расцвете царствования Екатерины потребность нации в элите оказалась куда выше, чем потребность элиты в нации. И в этот зазор эволюций прорвался буран казачьей пугачёвщины — альтернативный проект России.

Чего не хватило дворянству в XVIII веке? Чести. Сословной спеси имелось в избытке, а вот чести не достало. Чести в понимании Петра: то есть гражданской ответственности за свою роль в обществе. «Береги честь смолоду», — согласился с нацией Пушкин. Его «История Пугачёва» стала историей страшной народной мести за утраченную честь элиты.

Пушкину ли не понимать проблему чести? В борьбе за свою честь он вышел на роковую дуэль с Дантесом. Тема чести стала последней в его судьбе и прозе. В «Капитанской дочке» только честь спасает Петрушу Гринёва и от Пугачёва, и от Екатерины. «Капитанская дочка» — символ веры в спасительность чести. А «История Пугачёва» — урок. Урок о том, что страна превращается в улус Пугачёва, когда у неё хватает пушек, но не хватает Пушкиных.

Летописец бурана

Пушкин оглянулся на Пугачёва после бунта военного поселения в Старой Руссе. Пушкина потрясла ордынская свирепость и бунтовщиков, и усмирителей. «Когда в глазах такие трагедии, некогда думать о собачьей комедии нашей литературы», — написал он другу. И поехал из столицы в далёкий Оренбург искать тайну русской «дурной бесконечности».

Пушкин ехал по степям Заволжья солнечным сентябрём 1833 года. Он не видел бесовских оренбургских буранов, а само слово «буран», ещё не известное читающей России, услыхал от ямщиков. И дивное слово отчеканилось в памяти. Буран стал символом пугачёвщины. Ради него в «Капитанской дочке»

Дуб, с которого оренбургские барышни разглядывали Пушкина

снега разбушевались летом: ведь Петруша Гринёв попал в буран за три-четыре месяца до штурма Белогорской крепости, а крепость бунтовщики взяли в октябре. Слово, пойманное в степи, Пушкин добросил до орбиты Земли — будто сам пушкинский тарантас превратился в аэрокосмический челнок «Буран».

Пушкин рассчитывал на гостеприимство оренбургского военного губернатора Василия Перовского, своего давнего друга. Крепость Оренбурга уже потеряла значение, её валы превратились в бульвары, но город был полон солдат и офицеров, словно его по-прежнему осаждали пугачёвцы. Так пограничная Россия оберегалась от тревожной Великой Степи.

18 сентября Пушкин обнялся с Перовским. Первая оренбургская ночь Пушкина прошла на даче Перовского, уставленной рыцарскими доспехами. Днём Пушкин ездил по городу и окрестностям.

Второй ночлег Пушкина был у Владимира Даля. Даль тогда только задумывал свой знаменитый словарь, а пока считал себя доктором. Да он и был врачом — «второй хирургической перчаткой» России. В Оренбург Даля пригласил Перовский. На поле Бородинской битвы Перовского посекло картечью. Раненый, в Москве он попал в плен к французам, и освободили его уже в Париже. Остаток жизни его мучили боли. Доктор Даль умел их снимать.

Пушкин провёл с Далем чудесный вечер. Пылкие оренбургские барышни дознались, что в их город приехал знаменитый поэт, и прибежали к дому доктора. Одна из девушек отважно забралась на дуб, чтобы заглянуть в квартиру Даля, где гость беседовал с хозяином, и оба хохотали. В эту встречу Пушкин не успел перейти с Далем на «ты». «Ты» Пушкин скажет Далю только перед смертью, которую примет на руках оренбургского друга-доктора. Доктор Даль услышит последний вздох поэта Пушкина. В этот день Даль пополнит свой толковый словарь новой статьёй о слове «бессмертие».

А Пушкин отправился из Оренбурга в Уральск. Великий поэт ехал дорогой великого бунта. Дорога бежала по ковыльным склонам холмов, вдоль крутых красноватых откосов Яика-Урала, через мосты над буераками. Скромные яицкие деревеньки оказывались бывшими крепостями. Никакой фортификации Пушкин

в них не обнаружил, ведь со времён основания крепостей прошло уже восемьдесят лет.

Вечером тарантас Пушкина вкатился в Уральск — бывший казачий Яицкий городок. Наутро Пушкин обошёл немногие местные достопримечательности, сел в свой тарантас и уехал домой. Всё. Оренбургский вояж поэта занял три дня, если не считать дороги до Оренбурга и обратно. Однако этих трёх дней на осеннем Яике Пушкину хватило, чтобы потом написать два шедевра.

Казаки, бунт, всё остальное — это важно. Однако не менее важно, что по следам Пугачёвщины на Яик приехал Пушкин. Это он великим словом завершил великое дело

«Капитанскую дочку» публика встретила прохладно. «Слава г-на Пушкина давно отзвучала, и сейчас его сочинения читают разве что где-нибудь в Саратове», — свысока изрёк критик того

Атаманский дом в Уральске, где останавливался Пушкин

времени. А «Историю Пугачёва» ущемила цензура. Пушкина не допустили к главному документу бунта — к протоколам допросов самого Емельяна Ивановича.

Император Николай, прочитав рукопись «Истории Пугачёва», настоятельно попросил сменить название на «Историю пугачёвского бунта». «У разбойника не может быть истории», — холодно заметил император. Но история есть у всего — и у бунта, и у Пугачёва. Не всегда они тождественны друг другу. Хотя поначалу бунт и Пугачёв были вместе. И этот период Пушкин пояснил примером казаков Яика.

Сарацины для русских

Разгром Казани и Астрахани открыл русским лиходеям свободный путь по Волге в море Хвалынское. Его просторы бороздили богатые фелюги турков и персов с полосатыми парусами. Русским пиратам оставалось только кричать: «Сарынь на кичку!» Получилось, что Иван Грозный подарил казакам Каспий.

Однако требовалось надёжное убежище, чтобы «дуван дуванить». Дельту Волги могли обшарить царские стрельцы. И казаки приценились к далёкой дельте Яика, пока что недоступной для воевод. Там на протоках и старицах в камышах рычали тигры, хлопали крыльями фламинго, а среди лотосов плавали пеликаны.

Но в устье Яика стоял город Сарайчик: глинобитная столица Ногайской орды. Здесь мурзы держали на продажу полные зинданы рабов, на базарах торговались купцы из Багдада и Генуи, муэдзины кричали с минаретов, а дервиши кланялись святым могилам семи ханов Золотой Орды. Сарайчик надёжно запирал Яик с моря.

В то время с Каспия вверх по Яику, бурля, ходили густые косяки осетров и стерляди, белуги и севрюги. На протоках невольники строили загородки-учуги и развешивали на них рыболовные сети. От учугов город и получил своё название: Сарай-учуг, Сарайчик. «Сарай» — значит дворец. Вторая твердыня

улуса Джучи. А русские звали жителей Сарайчика сарачинами. Ногайцы Яика стали сарацинами Руси.

В 1580 году атаманы Нечай и Мещеряк атаковали Сарайчик с моря. Казачьи ватаги захватили город врасплох. Налётчики рушили мечети и жгли деревянные мосты через протоки, рубили сплеча всех подряд. Нечай и Мещеряк разнесли город так же свирепо и беспощадно, как почти за век до них это сделал Тамерлан. Дым горящего Сарайчика поплыл по керамически синему небу Азии.

Казаки сели в лёгкие лодки-чайки и угребли от Сарайчика вверх по Яику на триста вёрст. За жёлтым устьем реки Илек Яик разошёлся надвое, обтекая большой холмистый остров, покрытый дубравой. Остров казакам понравился. Они разбили здесь стан и начали строить городок: выкопали рвы, отсыпали валы и поставили частоколы. И остров, и городок казаки назвали Кош-Яиком.

Но в Сарайчике в резне уцелел ногайский хан Урус. Он собрал по развалинам своих разбежавшихся воинов и двинулся

Берег реки Урал возле раскопок города Сарайчик

на Кош-Яик. Казаки бешено палили со стен из пищалей, а потом кинулись на сарачинов с пиками и саблями врукопашную. Ногайцы вновь бежали. Неукротимые казаки столкнули в Яик свои чайки и на вёслах догнали врагов. Отрубленные головы ногайцев раскатились по степи. Хан Урус опять еле спасся.

Оскорблённый, он покинул свой разрушенный город и увёл сарачинов на горькие реки Узени, где через два столетия начнётся и закончится путь Пугачёва. Руины Сарайчика затянуло травами. Теперь никто не мешал яицким казакам ходить на грабёж в Хвалынское море и привозить добычу в убежище Кош-Яика.

Кош-Яик стал вторым казачьим городком Руси. Первым был городок Раздоры, построенный на Дону, на острове Поречном, в 1571 году. И Яицкое казачье войско по старшинству следовало сразу за Войском Донским. Этот порядок во многом определит, почему же Пугачёв поднимать бунт с Дона явится на Яик. Донские казаки оказались русским заслоном от Европы, а яицкие казаки — от Азии. Донские казаки по духу тяготели к республике, а яицкие — к орде.

Но Москва не нуждалась в новой вольнице. И вскоре московские стрельцы согнали болотных черепах с развалин Сарайчика. Воеводы решили построить на месте ногайского города царскую крепость, чтобы отрезать наглый Кош-Яик от просторов Каспия. Казаки издалека злорадно смотрели, как стрельцы копают землю и таскают камни. Затея была бессмысленной. Наконец и воеводы поняли, что крепость им не по плечу. Плюнув, стрельцы бросили лопаты, сели в струги и подняли паруса. Стрелецкое войско исчезло среди синих волн Хвалынского моря.

Яицкие казаки вырубили себе место под солнцем. Сарачинов они прогнали, а Руси не хватило сил дотянуться до Яика. В 1591 году гордый собою Кош-Яик принял первых московских послов, которые смиренно попросили наглецов Яика пойти вместе с царскими полками в поход против хана Шамхала. Такая просьба означала то, что Яицкое войско признано государем: аминь!

«Орлы брадатые»

По правому берегу Яика до самой Волги вздуваются ковыльные увалы Общего Сырта, рассечённые глубокими, извилистыми оврагами. Здесь шныряли степные лисы-корсаки, а боровые ручьи, журча, текли сквозь бобровые плотины. Эта сторона реки называлась Самарской. Другая сторона называлась Бухарской. Здесь в степях, где ветер шелушил лишаи солончаков, паслись стада диких ослов и диких лошадей, а в раскалённой лазури неба плавали коршуны.

Рыжие отмели, багровые обрывы... Яик не выглядит великой рекой, хотя по длине он третий в Европе. Казаки уважительно звали его Урал-Горынычем. По Самарской стороне Урал-Горыныча кочевали ногайцы, по Бухарской — казахи. Второму поколению яицких молодцев надоело жить на границе посреди реки. И гонцы Кош-Яика отправились за благословением на Камынин остров.

Мутный Яик высыпал в Хвалынское море целый архипелаг. На каменистом и пустом острове Камынь в скитах поселились старые «лыцари»: ушедшие от мира основатели яицкого войска. В XX веке Каспий обмелеет, легендарный Камынин остров превратится в холм и затеряется на болотистой и тростниковой равнине побережья.

Молодые казаки Кош-Яика желали одобрения «лыцарей» на перенос городка. В протоке у Камынина острова гонцы встретили рыбацкую лодчонку с древним «лыцарем». Старик выслушал гонцов и сказал: отселяйтесь к устью Чагана. Будут на том месте бунты, пожары и кровопролития, но в итоге «узрите спокой».

Драгоценное разрешение казаки принесли на Кош-Яик и в 1613 году спалили старые частоколы, а новый Яицкий городок основали на Самарской стороне при впадении в Яик реки Чаган. Только первый пожар открыл казакам истину: подле острова Камынь гонцы встретили не «лыцаря», а митрополита Алексия, что почил в Москве ещё до Куликовской битвы. Мёртвый пророк, конечно, знал грядущее.

Казаки Яика дрались с казахами и сарачинами и ездили на службу к царю. Пасли скотину и поливали бахчи. Главным промыслом был рыбный, а его венцом стало январское

Береговой обрыв реки Урал и остров Кош-Яик

багренье. Всё казачье войско расходилось по крещенскому льду Яика и сквозь проруби острогами таскало из омутов жирную снулую рыбу.

О зимнем багренье слышали даже в Зимнем дворце. В 1837 году губернатор Перовский привезёт на Яик цесаревича Александра, и наследник пожалеет, что летом нельзя посмотреть знаменитый промысел. В России наследники престола считались Верховными атаманами всех казачьих войск империи. Хитрецы Яика сообразят, как утешить атамана. Цесаревичу сколотят плот с «прорубью», и двужильный казак-водолаз под водой станет ловко насаживать на августейший багор заранее приготовленных рыбин. Цесаревич будет в восторге.

Безлюдная жаркая степь, цикады, обрывистые берега реки, покатый и заросший урёмой остров… пастораль и глухомань. Не верится, что четыре века назад здесь в сражениях ковалось русское казачество — формат национальной свободы

На багренье 1773 года яицкому войску собирался объявиться и самозванец Пугачёв. Он уже заготовил историю: ему, гонимому государю, «турский салтан» растолковал, что русский царь всегда найдёт помощь на Яике у тамошних казаков, у «орлов брадатых». Но это багренье Пугачёв просидит в казанском каземате.

Яицкие старики рассказывали смуглым казачатам, что на их Яике киевский богатырь Добрыня Никитич истребил свою врагиню ведьму Кайдаловну, а Сарайчик разорил богатырь Василий Казберыч. Что три яицких «Ивана-лыцаря» — Шатало, Пужало и Клад — бились с Мамаем на поле Куликовом. Что колдунья Маринка Мнишек пряталась на Яике в глиняном городище и палила по московским воеводам из пушек и пистолетов, а её полюбовники затопили в Яике лодки с сокровищами. Что казак Харко в одиночку отогнал кочевников в степь и победил степного царя Чувака. Что казак Рыжечка под Полтавой, на радость государю Петру, проколол пикой бронированного шведского витязя, а потом с другом-калмычинином на царский кошт цельный год без единой передышки кутил по кабакам всей империи.

Яицкое войско принимало в себя татар, башкир и калмыков и потихоньку меняло разрез глаз. Но далёкий Яик крепил свой русский дух тем, что врастал в русскую историю казачьими сказками. Хотя главное предание «орлов брадатых», мрачное пророчество острова Камынь, было ещё впереди.

Хива: казачий Армагеддон

Яицкие казаки знали, когда грянет Судный день: когда русские возьмут Хиву, Иерусалим и Царьград и «обойдут свет кругом». Вот тогда и миру конец. Город Хива, столица оазиса Хорезм, — детонатор казачьего Апокалипсиса. Но почему?

Хивинцы не раз грабили русские караваны и рубились с казаками. С рынка Хивы у крепостных ворот Палван-Дарваза русские невольники навсегда уходили в жёлтые просторы Азии. Древняя Хива была врагом молодой России.

В 1713 году казанский губернатор Салтыков сообщил императору Петру, что некий туркмен открыл ему великую тайну Хорезма. Оазис питает река Амударья, которая течёт якобы из Арала в Каспий. А в водах Амударьи — золото, которое моют рабы хивинского хана. Хан не хотел, чтобы русские позарились на его золотоносную реку, и приказал в урочище Карагач засыпать Амударью песками и отсечь от Каспия.

Сухое русло Амударьи — это гигантская лощина Узбой. Миф об Узбое, по которому Амударья бежала из Аральского моря в Каспийское, был жив даже в XX веке, а в XVIII веке ему верили безоговорочно. И в 1717 году Пётр I отправил в поход на Хиву отряд князя Александра Бековича.

Бекович должен был разгромить Хиву, прокопать плотину в Карагаче и снова пустить Амударью по Узбою в Каспий. В Карагаче для охраны Амударьи Пётр приказал князю возвести крепость. Строить на Каспии корабли был командирован морской офицер Кожин. Новенький русский флот проплывёт по возвращённой в Узбой Амударье из Каспия в Арал, а из Арала по Сырдарье — в Индию. В пути, если найдётся свободное время, Кожин приведёт в русское подданство и Бухару.

Отряд покорителей Хивы отплыл из Астрахани морем к устью Яика, в город Гурьев. Там к Бековичу и Кожину присоединились три полка яицких казаков: они будут растягивать Россию от Яика до Цейлона.

В урочище Карагач казаки разбили 24-тысячное войско хивинского хана и победителями вступили в крепость Ичан-Кала, тысячелетнюю цитадель Хивы. А ночью хивинцы пробрались в Ичан-Калу по тайному ходу и повязали всех русских. На площади у древней мечети Джумы с пленных казаков живьём содрали кожу. Отрезанную голову Бековича хорезмшах с поздравлениями послал хану Бухары.

Для казаков Яика эта беда раздулась в катастрофу. Император Пётр давно уже боролся с казачьей вольницей. На Дону против империи в 1707 году поднял восстание атаман Кондратий Булавин. Империя давила этот бунт два года и всё же подчинила Дон своим интересам. Теперь пришла очередь Яика. Разгром

Бековича в Хиве для Петра стал удобным поводом разгневаться на яицких казаков. Пётр объявил их никудышными вояками и беглыми холопами, которых надо вернуть хозяевам, и двинул на Яик регулярные войска.

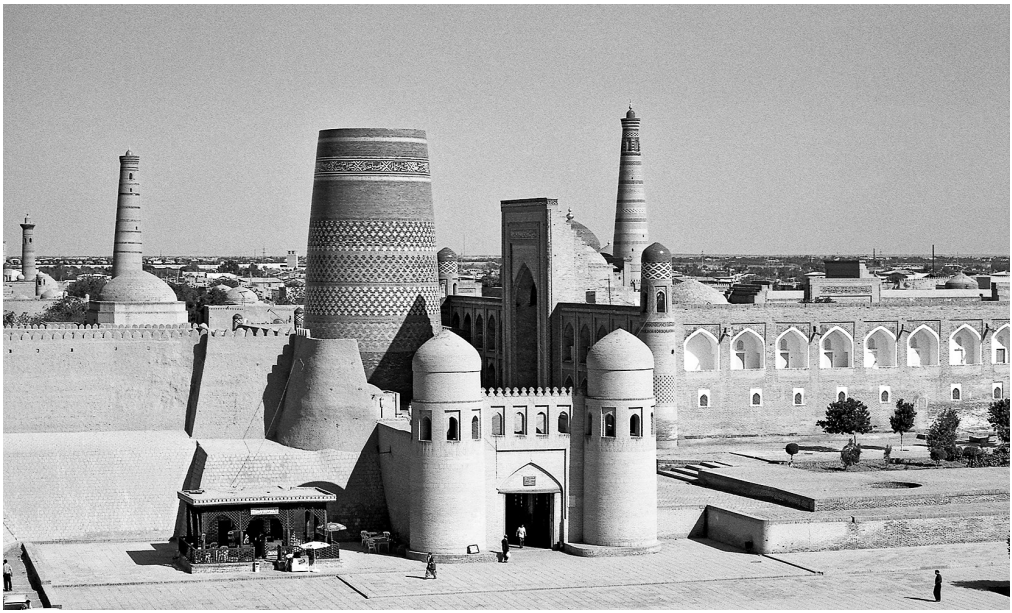
На Яике вспыхнул мятеж: свой император оказался не добрее чужого хана. Яицкие казаки решили драться, а не сбегать на Амударью под защиту Хивы, как донские казаки Игнатия Некрасова сбежали на Кубань под защиту Стамбула. Мятеж затянулся на пять лет. Полив степи кровью, Яик и Петербург замирились на том, что империя оставляет Яику казачье сословие, но казачий круг отменяется. Отныне атамана и старшин назначает императорская Военная коллегия.

С эпохи Средневековья Хива владела просторами, по которым пролегали караванные дороги Азии. А дитя простора — миф. И казачий Яик соперничал с Хивой в мифологическом измерении

В сознании казаков Яика мощь чужой Хивы прочно сцепилась с гнётом своего Петербурга. Хива — индикатор. Когда Российская империя сможет покорить Хиву, тогда она сможет отменить казачество на Яике. Потому грядущее падение Хивы для яицких казаков и стало Армагеддоном.

В 1839 году в поход на Хиву солдат и казаков повёл самонадеянный граф Перовский, друг Пушкина и оренбургский губернатор. Казаки считали, что этот подвиг нужен графу для титула «генералмуса», а «генералмусы» становятся императорами. Но подвига у Перовского не получилось. Он заморозил солдат в снегах у дикого плато Устюрт, а единственную атаку конных хивинцев отразил барабанщик, испугавший азиатов отчаянным треском «тревоги».

Но Хива не устоит перед Россией. Русские войска генерала Кауфмана возьмут её в 1873 году. Российская империя решительно запретит в Средней Азии рабство и урежет власть хивинского хана, однако хан всё же останется владыкой Хорезма.



Древняя Хива

Всё закончится в Гражданскую войну: Красная Армия разгромит и царства, и ханства. А заодно советская власть уничтожит и казачество. Для казаков Яика сбудется предсказание о падении Хивы и конце их света.

«Бедные родственники»

Яцкие казаки охраняли только нижнюю часть Яика, а Яик очень длинный, и на всём протяжении он был границей между азиатской Россией и нероссийской Азией. В 1734 году началась долгая и кровавая Оренбургская экспедиция. Одной из многих её целей было возведение крепостей на верхнем Яике. К делу приступили с середины: в 1735 году на впадении в Яик реки Орь заложили крепость Оренбург. Эта крепость потом стала Орской.

Стройка нуждалась во всём, и в первую очередь — в хлебе. Его можно было привозить из тучных зауральских слобод

Макет въездной башни крепости Челяба из музея в Челябинске

на Верхояицкую пристань и сплавлять в Оренбург на судах вниз по Яику. Но дорогу из слобод на пристань следовало охранять от башкирского разбоя, и обозам требовался вооружённый конвой. Тракт из Зауралья на Яик тянулся вдоль реки Исеть и её притоков Течи и Миасса.

Недоверчивый Василий Татищев, начальник уральских заводов, превратил тракт в цепочку небольших крепостей — в Исетскую оборонительную линию. Она начиналась Шадринским острогом и заканчивалась Верхояицкой пристанью.

Крепости нового образца совсем не походили на старинные русские деревянные остроги. Это были окружённые рвами невысокие земляные сооружения со стенами-куртинами и бастионами. Иногда их облицовывали камнем или кирпичом, но чаще — плетнём или дёрном. Инженеры называли такие крепости ретраншементами, а солдаты говорили — «транжементы». Самым знаменитым ретраншементом в России стала Петропавловская крепость в Петербурге, а последним — непокорная Брестская крепость.

В селениях, сквозь которые прошёл Верхояицкий тракт, насыпали типовые «транжементы». Их валы покрыли дёрном, закрепив его деревянными спицами: через год дёрн прирос, и насыпи держали форму. На бастионах «транжементов» выстроились чугунные пушки. И кто-то должен был нести службу у батарей.

В службу на «транжементах» набрали народишко с миру по нитке. Эту разношёрстную ораву в 1736 году решительный Татищев объявил Исетским казачьим войском. Так бывалым казакам Яика явились «бедные родственники» Исети.

Исетское войско получилось невеликим. Иметь казачий круг ему не дозволили, а командовал войском старшина, тянувшийся во фрунт перед любым офицером. Жалованье казакам дали грошовое: главной платой были земельные наделы. Исетские витязи остались довольны и этим. Они пахали и рыбачили, держали скотину, торговали с казахами и башкирами, на бесчисленных синих озёрах ловили перелётных птиц, развешивая по деревьям рыболовные сети.

Самой большой крепостью Исетской линии стала Челябинская, а попросту — Челяба. Её в 1736 году основал полковник Алексей Тевкелев, главный российский знаток «восточного вопроса». Вместе с несчастным князем Бековичем он ходил в поход на Хиву, но уцелел, потому что на полпути, на Каспии, его корабль штормом забросило в плен к персам. Тевкелев был идеологом Оренбургской экспедиции.

Тевкелев указал начальству два сосновых бора на берегу реки Миасс: Каштак и Челяби-карагай. Здесь сходились древние караванные дороги, что вели в Сибирь из Персии и Бухары. На этом перекрёстке русские воздвигли бревенчатый острог старого типа — единственное столь архаичное укрепление среди приземистых земляных «транжементов».

Иван Неплюев, последний командир Оренбургской экспедиции, наконец-то выстроил город Оренбург и в 1748 году учредил Оренбургское казачье войско. Он растолкал сонных исетских казаков и записал их в новое войско на правах автономии. Вскоре войсковую избу Челябы осенило знамя, а вместо старшины, штопавшего зипун, прибыли бравый атаман, усатые сотники, есаулы с пистолетами и хорунжие с пиками.

Челябинская крепость превратилась в центр обширной Исетской провинции, которая простиралась от Яика до Тобола. В Челябе возвели собор и ратушу, здесь сел воевода. Ему в его провинции насчитали 55 тыщ жителей, подлежащих обложению налогами. По нынешним меркам это немного: численность скромного райцентра. Но в середине XVIII века во всей бескрайней России проживало только 12 миллионов человек: меньше, чем в одной лишь Москве начала XXI века.

Челябу усилили. Вокруг старого бревенчатого острога насыпали новый вал, срубили стены-городни с крытым боевым ходом и три высокие башни: первый ярус — проезжие ворота, второй ярус — пушки, на шатрах — двуглавые орлы. Подступы утыкали кольями и надолбами. Так на реке Миасс воцарилась самая мощная крепость Южного Урала.

В пугачёвщину падение могучей Челябы станет главной военной победой мятежников. «Бедные родственники» не выстоят.